

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗА РУБЕЖОМ

В последние годы в советской научной литературе все чаще затрагиваются вопросы этнической психологии. Причем эта отрасль знаний рассматривается не только критически, как ряд ошибочных и ненаучных концепций реакционных буржуазных этнопсихологов, пытающихся использовать этническую психологию для обоснования расистских и колониалистских доктрин, но и выдвигаются предложения о позитивном рассмотрении проблем этой науки.

Предметом этнической психологии является психика этнической общности — нации, народности, племени и т. д. Однако определения этнической психологии в зарубежной литературе довольно разноречивы. Иногда этнопсихология определяется как исследование «культуры и личности», иногда — как исследование «национального характера» или «модальной личности». При этом большая часть исследователей исходит из того, что «...люди, принадлежащие к одной нации (или этнической общности), обладают некоторыми особенностями, характерными для всех представителей данной нации (или этнической общности) и нехарактерными для представителей другой»¹. Эта же идея выражена Инкелсом и Левинсоном как различие между «модальными личностями», носителями характерных этнопсихических черт². Такая предпосылка сомнений не вызывает: наличие определенных психических различий между представителями разных этнических общностей является очевидным фактом и психика этнических общностей — это реальность. Правда, реальность психики этнической общности, может быть, менее ощутима, чем, скажем, реальность языка. В этом заключается специфика этнической психики, особенность ее связи со многими факторами, в первую очередь — с социально-историческими, особенность ее проявления в повседневной общественной жизни.

Определение предмета исследования этнопсихологии термином «национальный характер» вряд ли удачно, во-первых, из-за нечеткости самого этого термина³, а во-вторых, из-за ограниченности: сфера исследования сужена географически и исторически рамками самых крупных и позднейших этнических образований (наций), в то время как более мелкие и более ранние этнические общности (народность, племя) остаются вне поля исследования. Кроме того, термин «характер» означает лишь одну из сторон психики как отдельной личности, так и любой человеческой общности. Понятие «модальная личность» и изучение этнопсихологии в плане взаимоотношений между лич-

¹ H. C. J. Duijker and N. H. Frijda, *National character and National stereotypes*, Amsterdam, 1960.

² A. Inkeles and D. J. Levinson, *National Character*, в кн. «Handbook of Social psychology», т. II, Cambridge, Mass., 1954, стр. 977—1020.

³ В западноевропейских языках слова «нация», «национальный» («nation», «national») являются синонимами слов «государство», «государственный», что исторически понятно, так как в Западной Европе обычно каждой отдельной нации соответствовало и соответствует свое государство. Поэтому многие западные авторы обычно отождествляют понятия «нация» и «государство», что, естественно, запутывает вопрос. Это отождествление проникло и в русский язык в таких кальках, как например, «национальный доход», «национальные вооруженные силы» (хотя здесь имеется в виду государство, а не отдельная нация), «Организация Объединенных Наций» (точнее было бы — государств) и т. п.

ностью и культурой» возникли из предпосылки, что общественная психика есть механическая сумма психики индивидов, что, по существу, неверно⁴.

Некоторые этнопсихологи, например, голландские ученые Х. Дейкер и Н. Фрайда, признающие большое влияние социально-культурных факторов на формирование «национального» характера, предлагают термин «культурный характер». В защиту этого они ссылаются на индонезийскую нацию, в которой представлено, по их мнению, множество культур, а также на нации Скандинавии, которые, как они считают, обладают единой культурой. Признавая, однако, что этническая психика проявляется и в культуре этнической общности, мы вместе с тем должны подчеркнуть, что психика и культура далеко не идентичны, что зависимость и соотношение между ними еще предстоит выяснить. Кроме того, спорно предположение, что скандинавские нации обладают единой культурой. Несомненно, что целый ряд факторов исторического развития, сходство географических и экономических условий, тесные связи между странами этого района привели к некоторой общности элементов культуры, однако каждая из наций Скандинавии сохранила многие, только ей присущие культурные традиции, определенную психическую особенность, свой язык и свое национальное самосознание. Конечно, нации Скандинавии имеют гораздо больше общего между собой, чем какая-нибудь из них с любой нацией Европы или Азии, но это еще не может служить основанием для их идентификации. Что же касается индонезийской нации, то ссылка на нее тоже вызывает возражения. Во-первых, нельзя категорически утверждать, что в Индонезии, как пишут Дейкер и Фрайда, «множество культур объединены в единую нацию». Индонезийская нация находится еще в стадии становления, это еще не нация в полном смысле этого слова, хотя в Индонезии вступили в силу все объективные законы формирования единой нации в рамках единого буржуазного государства и происходит национальная консолидация индонезийцев⁵.

Кстати, процесс, происходящий в Индонезии, очень интересен с точки зрения этнопсихологии, так как здесь мы пока ясно различаем психические особенности отдельных народов — яванцев, минангкабау, балийцев и других, и вместе с тем есть основание говорить о многих чертах психики, характерных для индонезийцев в целом. Наряду с процессом консолидации индонезийской нации идет процесс формирования единой психики этой нации, т. е. такой общности психики, которая ранее не выступала так выпукло, как теперь, причем этот процесс происходит не на голом месте, а вытесняет, заменяет элементы психики, существовавшие ранее, или налагается на них. Это и есть исторический процесс изменения психики этнической общности, который, безусловно, отразится на последующих процессах, которые, в свою очередь, также будут изменять этнопсихологические характеристики индонезийцев будущего. Иначе говоря, с течением времени под влиянием конкретных исторических условий психика каждой данной этнической общности меняется. Вместе с тем ряд причин, повлиявших ранее на формирование психики этнической общности, остается относительно неизменным (например, природно-климатические условия), что не может не отразиться на относительно более медленном изменении зависящих от этих причин элементов психики. Следовательно, изменяясь, психика этнической общности в каких-то своих элементах остается прежней. Интересно в этой связи вспомнить восклицание Энгельса: «... старая, веселая Англия!», которым он охарактеризовал большую психическую близость англичан времени Шекспира со своими потомками, пережившими огромные социально-исторические изменения.

Таким образом, процесс национальной консолидации индонезийцев дает наглядный пример того, что психика этнических общностей складывается исторически и не остается неизменной в ходе дальнейшего исторического развития. А дефиниции этнической психологии, принятые в зарубежных работах, как раз не учитывают значения исторического фактора в формировании и развитии психики этнической общности. И в этом, пожалуй, их основной порок. Правда, мало кто из зарубежных авторов открыто отрицает это значение. Более того, некоторые ученые, например, М. Мид, сами используют сведения об историческом развитии народа для объяснения тех или иных его качеств⁶.

⁴ J. H o n i g m a n, *Culture and Personality*, New York, 1954.

⁵ Так, в Индонезии с поразительной быстротой распространяется единый язык — бахаса Индонезия, принадлежащий к той же языковой семье, что и другие языки страны; возросло, особенно в результате освободительной борьбы, национальное самосознание. История Индонезии до голландского завоевания дает массу примеров существования феодальных государств, уже объединивших большую часть индонезийских островов. Иными словами, народы Индонезии имеют более или менее общую историческую судьбу и более или менее единые культурные традиции, что, несомненно, также является одним из важных факторов, воздействующих на современный процесс консолидации народов Индонезии.

⁶ M. M e a d, *The application of Antropological Techniques to Cross National Communication*, в кн. «*Transactions of the N. Y. Academy of Sciences*», 1947, ser. 2, vol. 9, № 4, стр. 133—152.

На наш взгляд, правильнее было бы определить этнопсихологию как отрасль социальной психологии, изучающую те ее особенности, которые определяются этнической принадлежностью. При этом следует исходить из того, что нации и другие этнические общности обладают целым рядом психических особенностей, которые в определенную историческую эпоху свойственны данной этнической общности и не свойственны или свойственны в меньшей степени другой этнической общности. Если взять, к примеру, такие близкие друг другу по происхождению и языку этнические общности, находящиеся на сравнимой ступени общественного развития, как американцы, англичане, английское по происхождению население Австралии, Новой Зеландии и Канады, то мы увидим, что различные географические, экономические и исторические условия породили значительные различия в психике этих некогда единых в этническом отношении человеческих коллективов; создали заметно отличающиеся культуры, традиции, изменили взаимоотношения в семье, между полами, между возрастами, привели к различным восприятию в каждой из этих общностей некогда единых религиозных догм, по-разному повлияли на развитие «уличной жизни» и т. п. А именно вся эта более или менее стройная система представлений, настроений и действий, свойственных каждому отдельному народу, и является предметом этнопсихологии. Этот пример относится к нациям, но те же вопросы возникают и при изучении народностей и других этнических групп.

Следует подчеркнуть, что изучение общества под углом зрения этнической психологии совершенно не исключает выделения и изучения внутри этнической общности других элементов в чисто социальном плане: например, изучения в классовом обществе психологии отдельных классов, слоев, сословных и профессиональных групп и т. д.

Этнопсихология же больше интересуется тем, что есть общего в психике всей данной этнической общности (учитывая, естественно, разделяющее влияние классового момента), а не чисто социальными элементами, которые подразделяют ее и часто являются одинаково характерными для аналогичных по социальному положению классов или слоев, принадлежащих к разным этническим общностям, стоящим на исходной ступени исторического развития. Если социальную психологию питает фактами социология, то этнопсихологию снабжает материалами, в первую очередь, этнография. Мы понимаем условность предлагаемого разделения, потому что едва ли возможно резко отграничить часть от того целого, к которому она принадлежит, можно говорить лишь о месте, занимаемом этнопсихологией внутри социальной психологии. В этой связи очевидна логичность того факта, что этнопсихология так или иначе пользуется той же методикой исследований, что и социальная психология, а их терминологии очень близки.

В то же время этнопсихология на современном уровне ее развития еще не оформилась достаточно четко в самостоятельную отрасль науки. Она пока представляет собой скорее «психологизированную» этнографию, чем действительно строго выделенную отрасль социальной психологии⁷.

Все это свидетельствует о том, что сейчас на стыке двух гуманитарных дисциплин (социальной психологии и этнографии) образуется новая отрасль знания, в которой уже определился предмет исследования, проблематика и цели, но еще не отработана собственная методика, не отшлифовалась терминология, а также еще не до конца определено место самой науки среди других общественно-исторических наук.

Итак, предмет исследования определен, но какие же цели ставит перед собой буржуазная этнопсихология, какие проблемы пытается она решить? Естественно, что цели исследований по этнической психологии, как и любой общественной науки, зависят, прежде всего, от идеологии исследователя, от его классовых представлений. Причем зачастую они имеют откровенно утилитарный характер, что у буржуазных этнопсихологов можно продемонстрировать, например, следующей цитатой из книги Фрайды и Дейкера: «Знание национального характера может служить для множества различных целей. Мы назовем лишь некоторые наиболее важные из них. Знание национального характера может, к примеру, помочь понять действительного или потенциального врага. В этом случае оно является важным оружием: исследование слабостей врага, норм его поведения, системы ценностей, кодов поведения... может облегчить окончательную победу над ним. Другими словами, изучение национального характера означает выработку оружия для психологической войны. Это знание может быть также использовано для оправдания нашего враждебного отношения, если мы покажем, как неприятен,

⁷ См. например: J. Honigman, *Understanding Culture*, New York, 1964; Th. Gladwin, *Oceania*, в кн. «Psychological Anthropology», Homewood, 1961, и др. Кроме того, отдельные проблемы этнопсихологии затрагиваются в «чисто» социологических трудах, например: L. O. Freeman and R. F. Winch, *Societal Complexity*, «American Journal of Sociology», 1957, № 62; особенно, если речь идет о какой-либо социологической особенности, наблюдаемой на примере отдельных этнических общностей (см. J. J. Maquet, *The premise of Inequality in Ruanda*, London, 1961; A. S. Alferkar, *The position of women in Hindu Civilisation*, Benares, 1938 и т. п.).

недемократичен и нецивилизован наш враг»⁸. Цели большинства современных буржуазных этнопсихологических исследований, в первую очередь американских, имеют сходство с теми целями, которые ставили перед собой «геополитики» и идеологи фашизма. В большой степени подобная близость объясняется классовыми целями современных буржуазных ученых и прямой преемственностью идеологических и методологических основ. Достаточно в этом отношении вспомнить о высказываниях Р. Бенедикт⁹, которая прямо говорит о том, что ее представления о сущности этнопсихологии заимствованы в основном из трудов О. Шпенглера¹⁰.

Суть этих представлений — в крайнем релятивизме, в неисторичности, в отрицании единства исторического развития человеческого общества. Неисторичность подобного подхода проявляется не только в том, что психика какой-то этнической общности рассматривается без учета ее исторического развития, но и, главное, в попытках сравнения обществ, стоящих на разных ступенях развития, с тем, чтобы доказать их несоизмеримость, уникальность. При этом получается, что общей мировой культуры не существует, а есть только отдельные культурно-исторические типы, развитие которых представляет собой ряд параллельных линий, нигде и никогда не пересекающихся. Говорить о человечестве, как о субъекте истории, о преемственности культуры, науки, искусства в процессе исторического развития, по мнению ученых, стоящих на такой точке зрения, абсолютно нельзя, так как, согласно их предпосылкам, историческое развитие может происходить лишь внутри каждого отдельного культурно-исторического типа. Но и это они считают только подсобным элементом в изучении главного: культурно-исторических типов. Основное острение такого взгляда на исторические процессы направлено против марксистского понимания всемирно-исторического развития, против материалистического учения об общественно-экономических формациях. В результате этого в работах такого рода, во-первых, утрачивается исторический подход к изучению отдельных этнопсихологических явлений, во-вторых, выдвигаются различные теории географической локализации идеологий. А все это в конце концов приводит к расизму в области этнопсихологии.

С чисто утилитарными целями изучают этнопсихологию и так называемые «военные психологи». Начало работам в этой области было положено еще в конце прошлого века книгами фон Биндер-Кригельштейна и фон Лихтенштейна, в которых были затронуты методы психологической войны и психологической обработки противника, основанные на знании его этнических особенностей. В Германии количество книг и руководств по вопросам, связанным с этническими аспектами психологической обработки противника, резко возросло к началу второй мировой войны. Особенно большую работу повели «Психологическая лаборатория» Симонейта и школа «геополитиков», причем первая в основном занималась милитаризацией расистских «теорий» представителей второй.

Ряд исследователей в США (В. Е. Дороти, М. Янковиц и Л. Фараго и др.) в основном без изменений переняли концепции своих немецких предшественников по разработке методов психологической войны¹¹. Член группы этнопсихологов США по изучению национальных характеров основных наций Серено Ренцо писал: «Психика другого народа — это оружие в руках психолога-солдата». Данные этнопсихологии используются в США также для разработки методов пропаганды «американского образа жизни», неоколониализма и антикоммунизма. Так, Дж. Хонигман пишет о том, что хорошо было бы знать способ проникновения в душу другого народа, что явилось бы большим подспорьем для «межкультурального просвещения»¹², т. е. пропаганды. Он сожалеет, например, о том, что американским пропагандистам пока не удалось найти пути «просвещения простых пакистанцев». Дело в том, что, используя большой интерес пакистанских крестьян к кино, американцы завезли в страну серию специально подготовленных фильмов, в которых на фоне пластических танцев и легкой музыки постоянно проводились идеи о «преимуществах американского образа жизни», об «угрозе внешней политики СССР», и т. п. После показа фильмов был проведен опрос зрителей, которые в 99 случаях из 100 совершенно не обратили внимания на основные идеи фильмов.

Этнопсихологические исследования, служащие целям реакционной пропаганды, как правило, далеки от науки, от объективности. Их авторы обычно выдают желаемое за

⁸ N. H. Frijda and H. C. J. Duijker, Указ. раб., стр. 69.

⁹ R. Benedict, *Patterns of Culture*, Boston, 1934; О. Шпенглер, *Закат Европы*, М., 1924, тт. I—II.

¹⁰ Отметим, что на подобных позициях стоял и идеолог русского национализма Н. Я. Данилевский (см. его книгу «Россия и Европа», СПб., 1888).

¹¹ Словарь военных терминов США так определяет психологическую войну: «П. В. состоит в планомерном использовании пропаганды и родственных ей информационных мероприятий с целью повлиять на мнения, чувства, отношения и поведение групп враждебных иностранцев и стран таким образом, чтобы содействовать осуществлению целей национальной политики или военных целей» (US. Military Terms, New York, 1956).

¹² J. Honigman, *Culture and Personality*, New York, 1954.

действительное. Это наглядно иллюстрируют, например, две работы М. Мид — «Об опыте межкультуральных исследований в годы второй мировой войны» и «Отношение к властям в СССР»¹³. В первой из них М. Мид говорит о неприязни между американцами, базировавшимися в Англии, и англичанами, которая, по ее мнению, представляет собой недопонимание путей развития одной нации представителями другой. Англичане называют американцев хвастунами, а те, в свою очередь, считают англичан надменными. М. Мид считает эти взаимные обвинения неприличными. Слова «хвастун» и «надменный», по ее мнению, должны быть заменены более научными выражениями. Цель автора затушевать различия в этнической психике обеих наций, свести их к простой семантике и, в конечном итоге, сгладить противоречия между союзниками. Другое дело, когда нужно показать, насколько «нецивилизован и недемократичен враг». При такой установке русский характер преподносится как «конгломерат и компромисс традиционного русского характера и большевистских идеалов», что конкретно состоит якобы из «лени», «повышенной любви к отдыху», «нетерпимости к нарушению субординации», «неспособности работать без палки», «приятия всех грехов человечества и чувства ответственности за них» и т. д. Здесь автор уже не прибегает к магическому действию «научных терминов», а попросту стремится приписать русскому народу все эти отрицательные качества.

Этнопсихологию берут на вооружение и миссионеры. Епископ Александр Ле-Руа прямо связывает успех «христовой миссии» со знанием этнической психологии. Он пишет, что в современных условиях миссионеры могут справиться со своими задачами, только овладев основами этнической психологии. «Миссионер должен знать историю туземцев, их происхождение, расу, семью или группу, их законы и верования, их языки»¹⁴. Часто в изданиях для аборигенов можно встретить имена местных богов, в библию вводятся легенды и мифы местного происхождения. Значение этнографии и этнической психологии в миссионерстве постоянно растет. В этих целях в 1920-х годах была создана католическая антропологическая ассоциация, которая совместно с отделом антропологии Католического университета в Ватикане издает журнал «Антропос». В 1961 г. в этом журнале появилась статья монаха Люиса Лузбетака из ордена «Слова Божия», призывавшего к созданию «прикладной миссионерской этнографии» с разделом, посвященным этнической психологии¹⁵. «Если бы мы могли понять, что творится в голове туземцев,— говорят миссионеры,— это намного облегчило бы нашу работу».

Неоколониалистические устремления «аргументируются» также выводами некоторых этнопсихологов и других буржуазных теоретиков о том, что угнетенным народам якобы не под силу самим переосмыслить свои ценности без психологической подготовки с помощью цивилизованных стран, что индустриализация и рост производительных сил в ранее экономически отсталых районах мира разрушают местную самобытность, культуру и т. д. и являются возможной причиной «развала» и «коммунистических беспорядков». В доказательство подобной точки зрения буржуазные ученые нередко приводят по существу реакционные, религиозные, расовые и националистические предрассудки, которые зачастую культивируются самими колонизаторами. Леон Жур и Джек Уоддисон пишут по этому поводу: «неоколониализм... в немалой степени использует религиозные и этнические разногласия и распри между племенами... для того, чтобы найти новых союзников и предотвратить создание единого антиимпериалистического фронта». Далее авторы указывают, что «...после освобождения в национальных движениях, которые ранее представляли весь народ, начинают обнаруживаться разногласия, в основе которых лежат экономические и классовые интересы, и капитализм обращает свои взоры на самые реакционные силы»¹⁶.

Таким образом, буржуазную этнопсихологию нельзя рассматривать в отрыве от общей идеологии современного империализма, направленной на апологию неоколониализма и антикоммунизма. Этническая психология в данном случае используется в качестве «научной основы». Такова идейная, классовая нагрузка, которую призвана нести буржуазная этнопсихология, и интенсивность ее исследований среди народов различных стран увеличивается с ростом политического значения соответствующих районов мира и находится в прямой зависимости от интересов империалистических государств.

Рассматривая критически методологию и методику буржуазных этнопсихологических исследований, ясно видя необъективность и предвзятость ее выводов, вместе с тем нельзя обойти молчанием, то положительное, что накопила эта отрасль знания за рубежом. Некоторые советские авторы считают, что буржуазные ученые «туманно» представляют себе предмет исследований «национального характера». Это по меньшей мере неточно. Верно, что среди книг буржуазных авторов почти нет работ, обобщающих

¹³ M. Mead, *The American Troops and the British Community*, London, 1944; *ее же*, *Soviet Attitudes towards Authority*, New York, 1954.

¹⁴ «Современная американская этнография», М., 1963, стр. 239—259.

¹⁵ Там же.

¹⁶ L. Zhur and J. Waddison, *What is neocolonialism*, London, 1962.

достижения и недостатки исследований в области этнической психологии¹⁷. Поэтому оценку необходимо делать на основании обзора целого ряда работ различных авторов. При таком анализе довольно ясно можно выделить три основных направления исследований: 1) социологическое, 2) биологическое, 3) экологическое. Первое изучает наиболее широкий круг вопросов, направленных на выяснение социальных основ формирования психического склада человеческих коллективов, в том числе и коллективов, объединяемых общностью этнической принадлежности. Это направление привлекает наибольшее внимание исследователей.

Биологическое направление изучает такие вопросы, как темперамент, физический тип, особенности кровяного давления, особенности оптических, акустических, вкусовых и других восприятий, характерных для данной этнической общности. Биологические факторы в данном случае изучаются не только для констатации биологических особенностей, как это делают антропологи, но и для выяснения тех особенностей этнической общности, которые якобы являются врожденными и не подвержены влиянию социальных факторов. Необходимо признать полезность исследований такого направления, если, как это, к сожалению, часто бывает, их результаты не используются в попытках доказать биологическую и психическую неравноценность изучаемых объектов.

Экологическое направление, на наш взгляд, занимает особое место в системе этнопсихологических исследований. Проблемы влияния природно-климатических и других факторов окружающей среды на психику этнической общности привлекали внимание исследователей очень давно. Гельвеций, Монтескье, Гегель, Гумбольдт и многие другие выдающиеся философы посвятили немало страниц выяснению корреляций между природной средой и психическим складом народов. Не менее интересно, рассмотрение вопроса о влиянии среды на человека и в работах авторов-марксистов, в первую очередь в работах Г. В. Плеханова¹⁸. Правда, экологическое направление дало в свое время основание для чисто политических спекуляций геополитиков, что, к сожалению, нашло последователей в наши дни, когда расизм, казалось, потерял всякую научную опору.

Возможно, существующие сейчас четкие границы между приведенными направлениями со временем станут менее различимы, тем более, что есть исследователи, пытающиеся сочетать все три направления. Это зависит от многих причин, в том числе и от интенсивности развития самой этнической психологии, степени ее обособления в отдельную отрасль исторических знаний.

Мы уже отмечали, что наибольшее количество работ, имеющих отношение к этнической психологии, посвящено социологическому направлению. Если на время оставить в стороне методологические, идеологические пороки работ зарубежных авторов, несовершенство их методики и неприемлемую для нас целенаправленность исследований, а ограничиться лишь анализом конкретных вопросов и элементов, исследуемых зарубежными авторами, то можно составить достаточно четкое представление о том, что, по их мнению, нужно учитывать при изучении «национального характера». Так, некоторые авторы подчеркивают необходимость изучения уровня общественного и технического развития этнической общности. Такие исследования на основе марксистской методологии безусловно необходимы и при разработке проблем этнопсихологии в советской науке, так как ее изучение вне исторических условий не имеет смысла. В свое время В. И. Ленин писал: «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране... учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи»¹⁹. Это высказывание не потеряло своего значения и сегодня для всех социологических исследований.

В ряде работ указывается на необходимость изучения того, какие факты собственной истории знает большинство данной этнической общности (версии происхождения народа, легенды, национальные герои и т. п.). Все это также служит, на наш взгляд, важной характеристикой этнической общности. Ведь для народа — носителя традиций и культуры — многое из далекого исторического прошлого наполняется жизнью сегодняшнего дня. Это в первую очередь относится к моральным поучениям, которые извлекаются из истории. Кроме того, тенденциозность написания истории местными авторами

¹⁷ Несмотря на сравнительно большое количество работ по этнопсихологии, появившихся в последнее время, едва ли можно обнаружить среди них такие, в которых рассматривались бы важнейшие теоретические проблемы этой отрасли науки. В большинстве своем — это работы по частным проблемам или обзоры по отдельным, чаще всего, наиболее развитым этническим общностям, без теоретических выводов и обобщений. Однако попытки обобщить достижения в области этнопсихологии делались: см., например, упомянутые книги Дж. Хонигман «Культура и личность» и Дейкера и Фрайды «Национальный характер и национальные стереотипы».

¹⁸ См., например: Г. В. Плеханов, К развитию монистического взгляда на историю; его же, Материалистическое понимание истории (лекции), Избр. соч., т. I и II.

¹⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 263—264.

часто объясняется стремлением поддержания автостереотипа, своего рода пропагандой различных представлений и традиций, отживающих, но очень близких большинству представителей данной этнической группы.

Большое внимание уделяется изучению автостереотипов и официальной внутренней пропаганде в отношении характерных черт психики данного народа. Знание этих явлений, безусловно, очень важно, так как на основе именно этих данных строится вся внутренняя пропаганда, воспитание членов общества и выработка у них определенного отношения к другим народам. Часто эти факторы влияют и на внешнеполитические акции руководящей верхушки данного общества. Исследуются также наиболее типичные характеристики психики одного народа, даваемые представителями других народов. Эти характеристики нельзя, конечно, считать объективными, поскольку они имеют оценочный характер, что недопустимо при объективном описании, но нужно учитывать, что такие представления складывались длительное время и поэтому не могут не представлять интереса.

Собираются эмпирические данные о поведении различных классов в чрезвычайных обстоятельствах (во время войн, демонстраций, забастовок и т. п.). Такие сведения важны как для социальной, так и этнической психологии. Подобные наблюдения дают, как правило, очень интересные результаты, а сама методика изучения этнической общности в каждой данной ситуации, не являясь индивидуальной, может дать представление о действительно общественной психике, характерной для этнической общности в целом.

Изучаются вопросы, связанные с отношением изучаемого народа к другим, с которыми данная этническая общность соприкасалась на протяжении нескольких последних столетий. Такого рода исследования помогают выявить индивидуальность этнической общности и характер внешних влияний на формирование ее психики. Встречаются работы, в которых описывается отношение преобладающей этнической общности к национальным меньшинствам. Исследуется религиозная общность или разобщенность данной этнической группы, степень религиозного догматизма среди ее членов. Приводится классификация общества (в основном городского населения) по классовым, профессиональным и этническим признакам, изучается степень консолидации этнических и социальных групп и межгрупповые связи. Рассматриваются отношения между родственниками, друзьями, полами, возрастами в данной этнической общности и т. д. Таков далеко не полный перечень вопросов, которые изучаются зарубежными этнопсихологами.

В СССР этнопсихологические исследования зарождались в борьбе против всевозможных расистских построений буржуазных авторов и на первых порах сам термин «этнопсихология» был настолько скомпрометирован, что употреблялся только в негативном плане, однако сами проблемы этой отрасли знаний постоянно интересовали советских ученых. Во многих работах советских этнографов и психологов эти проблемы находили отражение, хотя и не объединялись в отдельную отрасль науки со своей методикой и задачами. В настоящее время задачи коммунистического строительства требуют от советских ученых более тщательной разработки проблем этой отрасли знаний. Учитывая активную роль психики этнических общностей, как субъективного фактора в развитии общества, советские ученые считают основной задачей этнопсихологии разработку конкретных элементов проявления психических особенностей различных народов, населяющих нашу страну. Данные этой отрасли знаний очень важны для нравственного развития человека, для сознательной и целенаправленной борьбы против вредных пережитков прошлого, в частности, против национализма, для утверждения принципов пролетарского интернационализма в отношениях между народами и для решения многих других задач в борьбе за построение коммунистического общества.

В теоретическом плане данные этнической психологии дают богатый фактический материал для конкретно исторических и социологических исследований, а большое идеологическое значение, которое может при определенных условиях иметь этническая психология, если учитывать близость ее с практикой, налагает особую ответственность на исследователей, работающих в этой области науки.

С. Королев

ОБЩАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

В. П. Эфроимсон. *Введение в медицинскую генетику*, М., 1964, 490 стр.

Успех применения антропологических данных для установления генетического родства народов во многом определяется нашими знаниями о наследственном значении антропологических признаков. Практически развитие антропологии за последние десятилетия и, особенно, использование антропологических данных в этногенетических целях, т. е. развитие этнической антропологии, проходили под флагом поисков таких признаков, наследственная структура которых была бы хорошо известна и вариации